

— И что с того? — старый управляющий усадьбы стоял у ложа, не понимая, к чему клонит Ше Цзе.

То, что родичи устраивают грызню перед поминальной табличкой Ше Хэ, дело обычное. Какое отношение это имеет к его нынешней блажи?

— Они напомнили мне об отце, — Ше Цзе пустился в рассуждения с самым серьезным видом.
— Каждое лето на Праздник середины года я отправляюсь к Южному озеру пускать бумажные фонарики. Душа батюшки в загробном мире наверняка привыкла к этим ежегодным весточкам. Если я не доставлю письмо лично, он решит, что его посмертие лишилось важной части, и страшно расстроится!

В умении говорить за покойного родителя Ше Цзе давно достиг непревзойденных высот, легко сливаясь с образом отца в абсолютном единении.

Управляющий возразил спокойно и веско:

— Молодой господин, вы сейчас шагу ступить не можете без опоры, а когда говорите, вас шатает. Каким же безрассудным должен быть ваш покойный батюшка, чтобы желать от вас такой почты?

В Великой Ци обращением «Алан» величали главу дома, а «молодого господина» звали «ланцзюнь».

Хотя Ше Хэ, прежний хозяин усадьбы, давно покинул этот мир, но пока здравствовала Великая старшая принцесса-покровительница государства, в поместье строго соблюдали заведенные порядки. Даже доживи Ше Цзе до восьмидесяти лет, для челяди он оставался бы «молодым господином» или, со временем, почтенным «гуном», но никак не главой дома.

— А кто ему расскажет, что я ранен? — упрямо гнул свое Ше Цзе. — Если ты будешь держать язык за зубами, откуда ему узнать?

— Вы же сами изволили заметить, что батюшка ваш все зрит из загробного мира, — с тонкой улыбкой парировал управляющий, ничуть не испугавшись напора.

Ше Цзе надулся, скрестил руки на груди и отвернулся, всем видом выражая обиду.

Старик принялся с увлечением рассматривать потолок, пол и воздух вокруг себя, упрямо игнорируя грозные тучи на лице молодого господина. Разрешить эту поездку он не мог ни под каким видом.

Ше Цзе со вздохом вытащил последний козырь:

— А разве матушка не наказывала, что когда в храме завершатся службы над Небесным камнем, я должен лично прибыть в Тяньнин Ваньшоу и забрать его?

Тяньнин Ваньшоу — точнее, Чаньский монастырь Небесного Спокойствия и Десяти Тысяч Лет Долголетия, — как ясно из названия, был буддийской обителью. Прежде монастырь именовался гораздо проще, но несколько лет назад в Цзянцзо гостил двоюродный брат Ше Цзе. Ему взбрело в голову дать храму новое имя, изысканное и исполненное чаньской мудрости. Сам же Ше Цзе считал это издевательством над человеческой речью — язык сломаешь, пока выговоришь.

Располагалась обитель на Южном пике, прямо за городской чертой Цзянцзо.

Южный пик, зовущийся также Южной горой, славился как прекрасное место для весенних прогулок, откуда Южное озеро было видно как на ладони. Само же озеро плескалось к северу от горы Фэнхуан, у подножия которой примостились усадьба Ше и временный императорский дворец. Все эти примечательные места теснились по соседству. Добавь к ним Северный пик — и как раз наберется великолепная четверка живописных видов, словно игроки за столом в мацзян. Расстояния тут были ничтожными. Если Ше Цзе отправится в монастырь Тяньнин Ваньшоу, он без труда сможет заглянуть на озеро и пустить по воде поминальные фонарики. Никакой дорожной усталости он и почувствовать не успеет.

— Но вас же укачает, опять тошнота подступит... — робко вставил управляющий.

С тех пор как Ше Цзе получил удар по голове и очнулся после двухмесячного беспамятства, его изнуряли приступы рвоты. Мучился он так, будто носил под сердцем дитя. Лекари лишь разводили руками и утешали молодого господина тем, что подобные недуги известны издревле и со временем проходят сами собой — надо лишь перетерпеть.

Проверить это на деле Ше Цзе еще не успел, однако к частой тошноте уже притерпелся. Утереть губы, перетерпеть горечь во рту — и перед миром снова предстал бодрый юноша, готовый без устали предаваться тревоугодию и прочим бесчинствам.

— Но ведь это приказ матушки! — Ше Цзе вцепился в этот довод мертвой хваткой. — Я обязан забрать камень лично и в строго назначенный час. Матушка никогда ничего не делает просто так, в ее воле кроется глубокий умысел.

Управляющий не мог не согласиться с этим. Любящая мать всегда зрит в корень, и ради великого блага в будущем порой приходится мириться с мелкими невзгодами в настоящем.

И все же, что страшного случится, если опоздать к назначенному сроку?

Ше Цзе не знал ответа, да и дела ему до этого не было. Главное — вырваться на волю.

— А вдруг, как только я приму Небесный камень, болезнь отступит без всяких снадобий? — лукаво предположил он.

Управляющий, человек глубоко верующий, поразмыслил над этими словами и нашел в них долю истины. Делать нечего, пришлось уступить.

На следующий день после отъезда кузена, которого Ше Цзе мысленно уже проводил, сытого и довольного, юноша велел запрягать повозку.

Да-да, именно ослиную повозку.

В Великой Ци самым ходовым средством передвижения были вовсе не конные выезды, а скромные повозки, запряженные ослами. Объяснялось это просто: в стране катастрофически не хватало лошадей. Обширные северные пастбища давно прибрали к рукам варвары, которые наложили строжайший запрет на вывоз скакунов. Империя не могла обеспечить лошадьми даже собственное войско, что уж говорить о нуждах простых обывателей.

К счастью, смекалка простого люда не знала границ: раз нет коней — запрягай ослов. Пусть упрямый ослик не сравнится в резвости с боевым скакуном, зато идет ровно и уверенно. В конюшнях поместья Ше породистые кони водились, но управляющий, заботясь о хрупком здоровье молодого господина, настоял на более степенном транспорте.

А на следующее утро ослиную упряжку и вовсе заменили воловьей, что полностью отвечало правилу: «к чему спешить, коли можно ехать с удобством».

Опасаясь, что Ше Цзе начнет капризничать, старый управляющий принялся расписывать прелести новой упряжки:

— Во времена династий Вэй и Цзинь все утонченные мужи и прославленные мудрецы выезжали исключительно на волах! Даже ваш покойный батюшка говаривал, что не прочь завести такую телегу. Поглядите, какой просторный и уютный кузов! Внутри можно и прилечь, и сесть поудобнее, разложить циновки, поставить столик для чая — живите в свое удовольствие. А окна какие широкие! Любоваться видами — одно удовольствие.

— Отчего же сразу не паланкин? — Ше Цзе скептически приподнял бровь, глядя на двухколесную зеленую повозку с парными оглоблями. Слов для выражения своего возмущения у него просто не находилось.

— Паланкин плохо скажется на вашей репутации, — старик деликатно кашлянул в кулак.

Носилки-паланкин в народе звали просто «цзяоцзы». Управляющий по старинке употреблял

книжное слово «цзяньюй», Ше Цзе же, верный веяниям моды, знал все новые словечки, даже не покидая стен усадьбы.

И старый слуга не кривил душой: поездки в паланкине действительно могли навлечь пересуды. Под влиянием первых четырех государей Великой Ци в империи воцарился культ человеколюбия, порой доходивший до откровенного ханжества. К примеру, придворные сановники почитали за долг являться ко дворцу верхом. Те, кто победнее, подчеркивали свою скромность верховой ездой на ослах, но все они единодушно презирали паланкины. Любителя праздных носилок цензоры могли запросто обвинить в безнравственности, подав докладную записку о «недопустимости принуждения людей к скотскому труду».

Ше Цзе так и подмывало съязвить: неужто утруждать людей грешно, а надрывать бессловесную скотину — добродетель? Глядя на некоторых дородных сановников, чьи габариты ничуть не уступали габаритам императора, он мог лишь гадать: какими грехами несчастные кони заслужили в прошлой жизни столь тяжкую кару в нынешней?

Медленно, с величавой неторопливостью, уступающей шагу самого дряхлого пешехода, зеленая повозка тронулась с места.

Ше Цзе готов был поклясться собственной головой: он успел не торопясь осушить чашу чая, а волы все еще топтались у ворот усадьбы. Отодвинув занавеску, юноша уныло воззрился в окно — затейливые коньки крыш родного дома, покрытые темной черепицей, по-прежнему маячили прямо перед носом.

Едва заметно, черепашим шагом повозка наконец миновала тихий переулок, вымощенный серыми плитами, и выбралась на оживленный проспект.

Вокруг сразу забурилась разношерстная толпа. Люди протискивались плечом к плечу, отовсюду доносились звонкие крики зазывал. Если бы Ше Цзе не знал наверняка, где находится, он решил бы, что волы чудесным образом перенесли его сквозь пространство прямо в Юнцзи.

Тому, кто не бывал в Юнцзи, невозможно вообразить блеск этой столицы. Ше Цзе тосковал по прежней жизни и долго пытался превратить Цзянцзо в подобие северного мегаполиса. Однако затея эта напоминала попытку заставить скромную южную девицу подражать удалой северной красавице — со стороны выходило на редкость нелепо.

Но стоило ему слечь на пару месяцев, как мечта исполнилась сама собой, без малейших усилий с его стороны.

Прежде тихий, полупустой город преобразился до неузнаваемости, словно по мановению волшебной палочки превратившись в ревущее море человеческих тел и лавок. Изменения были поистине ошеломляющими.

Тут Ше Цзе заподозрил неладное. Намерение его царственного дядюшки перенести столицу

никак не могло выплыть наружу до принятия окончательного решения. Но если простой народ оставался в неведении, откуда взялись все эти лавки, выросшие будто грибы после дождя? Это не походило на временный торг заезжих купцов — новые заведения явно обустраивались на века.

— Что же стряслось за время моей болезни? — вслух размышлял Ше Цзе.

Цянь Цзя, шагавший подле колеса, мгновенно прикинулся глухим. Кто бы мог подумать, что скрип повозки окажется столь оглушительным! Из-за этого несносного шума расслышать слова молодого господина не представлялось никакой возможности.

Четверо близнецов-слуг отреагировали еще суетливее: они принялись наперебой галдеть, стремясь отвлечь Ше Цзе любыми путями.

Поначалу Ше Цзе бросил вопрос невзначай, но столь явное замешательство окружения заставило его насторожиться. Опыт ведения тайных войн у него был богатый. Юноша смекнул, что матушка или старый управляющий наложили строжайший запрет на любые разговоры. Чем усерднее он станет расспрашивать, тем глубже слуги запрячут правду. Здесь требовалась хитрость — нужно выждать время и вывести все постепенно.

Ближе к полудню повозка не торопясь доползла до подножия Южного пика.

Склоны горы пестрели причудливыми скалами и густыми зарослями, однако к вершине вел широкий, ухоженный тракт. Поток людей здесь никогда не иссякал, а потому и дорогу проложили на славу — протоптанная тропа со временем превратилась в мощеную дорогу.

Впрочем, народ стекался к Южному пику вовсе не из набожности и желания поклониться святыням Тяньнин Ваньшоу. Всею виной была крупнейшая в Цзянцзо ярмарка, раскинувшаяся прямо у ворот обители.

В те времена храмовые ярмарки служили главным средоточием торговли и народных гуляний. Самой прославленной в поднебесной считалась ярмарка при столичной обители Великого Государственного Советника. Пять раз в месяц там шла бойкая торговля всем, что только можно вообразить, а грохот барабанов и людской гомон заглушали любые церковные песнопения.

В Цзянцзо жизнь текла иначе, нежели в Юнцзи, но свои празднества здесь любили не меньше. Жители всех окрестных деревень и горожане толпами устремлялись к Южному пику в поисках развлечений.

Множество гостей требовало хороших дорог, так что тракты быстро привели в порядок, а следом выросла и прочая честная торговля.

Шел последний день поминального Праздника середины года. Ярмарочная суeta уже шла на убыль, но площадь по-прежнему кипела, собрав под открытым небом самый пестрый сброд. Бойчее всего расходились бумажная утварь для сожжения, восковые свечи, благовония и охранные амулеты.

Ше Цзе души не чаял в подобных зрелищах. Невзирая на слабость и недомогание, он готов был веселиться до упаду.

Слуги же бдели с удвоенной силой. И беспокоила их вовсе не немощь хозяина. Они пуще огня боялись, что Ше Цзе ненароком услышит о позорных вестях с севера: о том, что прежняя столица пала, империя на волоске от гибели, а перепуганный император вместе со сворой министров бежал в Цзянцзо.

— Какое позорище... — невольно сорвалось с губ Фан Чаоцы, читавшего письмо своего друга в глубине кареты.

Оторопевший слуга, не разобрав слов господина, почтительно переспросил:

— Что изволил сказать хозяин?

— Хожань пишет, что в великой Срединной империи на передовой осталась лишь женщина, которая по годам всем нам в бабушки годится. Великая старшая принцесса-покровительница государства — единственный щит страны. Срам да и только.

Сметливый слуга уловил скрытую горечь в голосе господина и, потупив взор, тихо молвил:

— Вы полагаете иначе?

Фан Чаоцы промолчал, бережно опустив письмо друга на резной столик. Взглянув на высящийся впереди Южный пик, он подумал: двор Великой Ци действительно прогнул и труслив, но вовсе не оттого, что во всей стране воевать умеет лишь престарелая принцесса.